

УДК 32:316

ББК 66.1(2)522-195+60.561.3

М.А. Бакунин о коррупции (к 200-летию со дня рождения мыслителя)

В.А. Должиков¹

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

M.A. Bakunin about Corruption (on the Bicentenary of the Birth of the Thinker)

V.A. Dolzhikov

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

Освещается малоисследованный аспект литературного политологического и социологического наследия выдающегося русского мыслителя. С привлечением новых, неизвестных ранее архивных документальных материалов обозначен целый ряд факторов, обусловивших формирование вполне реалистичных воззрений Михаила Бакунина на феномен глобальной и локальной коррупции. Среди них автор выделяет абсолютистскую специфику правящего режима верховной и местной региональной власти в Российской империи, которая была первопричиной традиционной широкомасштабной коррумпированности кадрового корпуса чиновников и одновременно следствием неразвитости отечественных институтов политической самоорганизации гражданского общества. В качестве исторического примера достаточно эффективной политики противодействия коррупции рассматривается уникальный опыт антикоррупционной модернизации кадрового корпуса чиновников («Civil Service Reform», по терминологии М. Вебера), осуществлявшейся на региональном уровне в Восточной Сибири по инициативе и под руководством генерал-губернатора Муравьева-Амурского в 1850-е гг. при непосредственном участии Бакунина, других ссыльных оппозиционных политиков.

Ключевые слова: коррупция, Михаил Бакунин, Сибирь, бюрократия, государство, абсолютная власть, реформа.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-46

Как социолог политики Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) большинству специалистов почти не известен. Поводом к замалчиванию вклада русского мыслителя в мировую политическую науку служит обычно ярлык «идеолога анархизма», прилепленный к нему официальной историографией. Ориентируясь на этот шаблон, многие авторы прини-

The article highlights the unexplored aspect of literary, political and sociological heritage of the outstanding Russian thinker. With the use of new and previously unknown archival records, the author determines a number of factors that led to the formation of Mikhail Bakunin's realistic views on the phenomenon of global and local corruption. Among them, the author identifies the absolutist character of the Russian Empire supreme and regional authorities, which was the root cause of the traditional and large-scale corruption of the officials; at the same time, it was the result of underdeveloped domestic institutions of political self-organization of civil society. As a historical example of quite effective anti-corruption policy, a unique attempt of the anti-corruption modernization of the bureaucracy («Civil Service Reform», according to Max Weber's term) is considered. The modernization was undertaken at the regional level in Eastern Siberia on the initiative and under the leadership of Governor-General Muravyov-Amursky in the 1850s with the direct participation of Bakunin and other exiled opposition politicians.

Key words: corruption, Mikhail Bakunin, Siberia, bureaucracy, the state, absolute power, reform.

жают ведущую роль М.А. Бакунина в формировании народнической «русской школы» в социологии (подробнее см.: [1, с. 207–208]).

Реагируя на обвинения политических оппонентов в приверженности так называемому анархизму, сам Бакунин предпочитал не оправдываться. «Мы против этого названия не протестуем, потому

что мы, – подчеркивал он, – действительно, – враги всякой власти...» [2, с. 437]. С его точки зрения, обладание властью деморализует, «портит» и «развращает» людей. «В самом деле, власть, всякая власть, равно как и всякая привилегия, – доказывал М.А. Бакунин, – всякое установившееся общественное преимущество заключает в себе начало зловерное и столь могущественно развращающее, что никакая личность, как бы крепка она ни была в умственном и нравственном отношении, не в силах устоять долгое время против вытекающей из него порчи...». По его собственным наблюдениям, «...самому лучшему человеку достаточно стать человеком, властью имеющим или политически могущим, для того, чтобы превратиться рано или поздно в каналью, в эксплуататора народного благоденствия, в утеснителя народной свободы» [3, с. 414].

Нетрудно заметить, что мыслитель имел в виду такое поистине глобальное общественное явление, как коррупция (от латинского двусложного термина *corruptio*, соединяющего существительное *cor* – сердце, дух, рассудок и глагол *ruptum* – портить, разрушать, развращать) [4, с. 25–26]. Сущность этой опасной болезни, с точки зрения Бакунина, проявляется не столько во взяточничестве, казнокрадстве и продажности «власть имущих», сколько в институциональном самораспаде политической системы.

Коррупции как феномену мировой истории специально посвящалась статья М.А. Бакунина, которая на русском языке впервые опубликована в журнале «Вопросы философии» за 1990 г. [5, с. 59–66]. На появившуюся тогда в открытом доступе оригинальную работу мыслителя научное сообщество не обратило должного внимания. Впрочем, и сегодня, когда эта проблема необычайно актуализировалась в современной России, статья редко упоминается даже в тематических исследованиях и библиографических указателях (см. например: [6, 7]).

Согласно представлениям Бакунина, «*коррупция... возникла с появлением первого в истории политического государства, но именно в наши дни (60–70-е гг. XIX в. – В.Д.) стала политическим институтом государства*» (выделено мной. – В.Д.). И впоследствии «никогда не было государства, которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как к средству управления». Потому что «ни одно государство не могло в достаточной степени укрепиться благодаря урегулированию интересов классов, представителем и естественным защитником которых оно являлось, – достаточно, чтобы не бояться ни внешних, ни внутренних врагов». А «если этих врагов нельзя было ни удовлетворить, допустив в состав привилегированного класса, ни уничтожить, ни парализовать, ни запугать своим могуществом, государство вынуждено было пытаться их подкупить». Более того, в мировой истории действует

следующая статистическая закономерность: «число коррумпированных было бесконечно меньше в прошлом, чем в наши дни: меньше до [буржуазной] революции, гораздо меньше в средневековье и совсем ничтожно в древности». Массовый характер коррупция приобретает в момент вхождения той или иной страны в начальную стадию развития капитализма. «В этом отношении игроки на бирже, крупные промышленные, торговые и банковские компании, финансовые и политические спекулянты, контрабандисты, грабители, – замечает М.А. Бакунин, – группы, легче всего поддающиеся коррупции, ибо они – еще большие реалисты, чем основная масса буржуазии». Подобная тенденция связана с тем, что в обществе раннего, еще «дикого» капитализма преобладают индивидуалисты, которые «связаны друг с другом лишь личной выгодой» [5, с. 60–61].

Во время своего пребывания в ссылке (1857–1861 гг.) М.А. Бакунин мог убедиться в том, что главная проблема русской общественной жизни – это полное отсутствие социальной солидарности по принципу: «каждый за себя и никто за всех». Всмотревшись в повседневную жизнь губернского Иркутска, он обнаружил здесь немало «кружков, друг друга не знающих, друг другу завидующих, часто друг друга ненавидящих». Но вместе с тем в обществе, «во всех его слоях и сословиях, – констатирует Бакунин в своих социологических заметках 1861 г., – встречаются люди живые, способные к живому делу». Вывод его лаконичен: «только *они разьединены, а потому бессильны*». И «*пока все лучшие люди, все кружки не встретятся в общей примирительной, или, по крайней мере, нейтральной среде, пока они не соединятся в одной общей цели, в одном общем деле, до тех пор не выйдет ничего путного...*» (выделено мной. – В.Д.) [8, с. 169].

По определению мыслителя, «истинная коррупция» есть не что иное, как «полное безразличие индивида к общественной пользе и солидарности исключительно во имя личной выгоды», т.е. крайний индивидуалистический эгоцентризм [5, с. 59–60]. «Я понимаю под индивидуализмом такое направление, – разъяснял М.А. Бакунин, – при котором является совершенно безразличное, даже враждебное отношение ко всему обществу и той массе отдельных личностей, с которой приходится жить, но которая кажется естественным врагом, преграждая путь отдельной особи и принуждая последнюю добиваться упрочения собственного благополучия, процветания и счастья, не принимая в расчет других...» [9, л. 99]. Тем не менее главным источником индивидуалистического эгоцентричного аморализма мыслитель считал бюрократию, принимающую на себя максимальный объем властных полномочий в государствах. Ибо, как известно, «власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно!».

А руководствуются власть имущие, по мнению М.А. Бакунина, целеполагающим правилом: «все, что способствует усилению и увеличению государства, благо: все, что идет в ущерб им, будь то самое добродетельное, самое благородное с человеческой точки зрения, – зло... такова государственная мораль» [9, л. 76]. В этом смысле даже бандитская мафия, с точки зрения Бакунина, более устойчива к воздействию на нее коррупции. Потому что «внутри таких вынужденных союзов чаще всего формируется нечто вроде коллективной морали» [5, с. 60].

Факты, которые приводятся в цитируемой выше статье, отражают реалии западноевропейской истории. Но было бы ошибкой считать, что свои концептуальные оценки русский мыслитель заимствовал из политических доктрин идейных предшественников и современников (Н. Макиавелли, К. Маркса, П.-Ж. Прудона и др.). Множество характерных реплик в сочинениях М.А. Бакунина 1840–1860-х гг., напротив, убедительно свидетельствует о том, что социальные корни его позиции по данному вопросу расположены в отечественной «почве».

Так, уже в своей «Политической исповеди» (1850 г.), «Исповеди» (1851 г.) и ряде других сочинений раннего периода он обращал внимание на беспрецедентную коррумпированность российской бюрократии. В отличие от Никколо Макиавелли, который сравнивал коррупцию с чахоткой [6, с. 4], социологический диагноз Михаила Бакунина намного более жесткий. «Эта язва России, этот рак, разъедающий правительство до мозга костей, словом, это чиновничество, – констатирует он в 1851 г. симптомы кризисного состояния, перманентно присущего имперской отечественной государственности, – не является случайным злом. Это – естественное и неизбежное порождение русской правительственной системы» [10, с. 41].

По личным наблюдениям политика, который отнюдь не добровольно совершил в 1840–1861 гг. кругосветный вояж, «когда обойдешь мир, везде найдешь много зла, притеснений, неправды, а в России, может быть, более, чем в других государствах». Обращаясь к Николаю I, он писал в своих тюремных заметках о том, что «...воровство и неправда и притеснения в России живут и растут, как тысячелетний полип, которого как ни руби и ни режь, он никогда не умирает» [11, с. 296–297]. Поэтому Бакунин считал заранее обреченной на поражение попытку императора бороться против системной коррупции «сверху», с опорой на бюрократию. «Года четыре тому назад (1845 г. – В.Д.) царь хотел сам предпринять эту геркулесову работу». С этой целью «была учреждена особая комиссия под его высочайшим наблюдением: все воры и преступники подлежали увольнению, обещанию, истреблению с лица земли». Ну, и «какой же получился результат? Прогнали около 300 мелких чинушек, как раз наиболее невиновных, которые

еще не научились как следует замечать следы. Только 300! Капля в море!». Но это и понятно. «Ведь нынешнее правительство не имеет никаких других органов, да и не может иметь никаких других, – справедливо замечал автор «Исповеди», – кроме этих чиновников, от которых нельзя же ожидать самоубийства». По его оценке, «прежде чем подумать о проведении малейшей реформы в России, нужно было бы очистить авгиевы конюшни русского чиновничества». И, «если действовать последовательно, то нужно было бы прогнать всю официальную Россию вместе с женами и детьми из страны» [10, с. 40–41].

В предыдущих публикациях мной не раз уже отмечалось, что во время своего двухлетнего пребывания в Томске (апрель 1857 г. – март 1859 г.) первым из современников М.А. Бакунин обратил внимание на беспрецедентную коррумпированность чиновников Кабинета, управлявших Алтайским горным округом (см.: [12, с. 1]).

Порядки в колоссальном хозяйстве, считавшемся частной собственностью властвующего императора, заинтересовали мыслителя не случайно. К переломному рубежу системного кризиса 1850–1860-х гг. здесь сложилось своеобразное «государство в государстве». На территорию «кабинетской» субсистемы не распространялась юрисдикция общеимперского законодательства. В регионе действовали «горные уставы», особая «горная полиция» и «военно-судные комиссии» [13, с. 88–89, 100, 102, 111, 126–127]. Фактически же Русский Алтай находился тогда в ситуации необъявленного чрезвычайного положения.

«Горно-вороватую» группировку кабинетской бюрократии М.А. Бакунин знал достаточно хорошо. Среди его близких знакомых по Томску были руководители региональной администрации, включая двух главных начальников горного округа – В.А. Бекмана и А.Д. Озерского (см.: [12, с. 54–60]). «За весьма редким исключением горные офицеры – дети горных же офицеров, – сообщал он издателям «Колокола» в Лондон, – потому что им предоставлено исключительное право воспитывать детей своих в горном корпусе, которые поэтому всасывают в себя вороватость с кровью, с первыми впечатлениями детства, с корпусным воспитанием и являются на завод уже готовыми ворами». По его верному замечанию, «жены и матери их – также дочери и сестры горных офицеров» [10, с. 317–318].

Я специально изучил архивные служебные формуляры высших чинов корпуса горных офицеров Барнаула по списку за 1859 г. В основном так и есть. Например, полковник А.Е. Фрезе, занявший в 1861 г. должность начальника округа, был женат на дочери своего недавнего шефа – генерал-майора Татарина. Полковник И.Б. Пранг – зять полковника Злобина. Жена подполковника Пранга-младшего – дочь все того же Татарина. В списке начальствующего кор-

пуса чиновников присутствовали также сыновья вышеупомянутого генерала – подполковники Александр и Владимир Татариновы [14, л. 68–69об, 71–72, 75–75об]. «Горные офицеры, – отмечает современный исследователь, – образовали замкнутую общность – социальную, ведомственную, географическую, династическую, профессиональную; одним словом, корпорацию» [15, с. 46]. Следовательно, М.А. Бакунин прав, утверждая, что «всё горное ведомство составляет поэтому, как будто одно *дружное, тесно связанное семейство, основанное на систематическом вооружестве*» (выделено мной. – В.Д.) [10, с. 318].

Баснословная коррумпированность бюрократии Кабинета – историческая реальность. «С давнего времени известно, что лица, служащие по горному ведомству и живущие в г. Барнауле, – сообщал, к примеру, в служебном донесении от 20 марта 1859 г. в Петербург жандармский подполковник Герасимов из Томска, – ведут роскошную жизнь и в короткое время наживают огромные капиталы, не соответствующие получаемому ими от казны содержанию». Причем «роскошь эта доходила даже до того, что мужья выписывали для жен своих готовые платья из Парижа» [16, л. 11]. В своем бестселлере «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннан также вспоминает о знакомых ему горнозаводских чиновниках Барнаула, которые, «получая 2–3 тысячи рублей годового жалованья, имели «доходы» в 100 и более тысяч» [17, с. 44].

Однако в легальной российской печати периода «гласности» обнаружить материалы критического характера об алтайских владениях правящего императора невозможно. Государственная цензура фильтровала информацию такого рода [18, с. 130–142]. По этой причине мало кто из современников знал о господствовавших здесь нравах и порядках. Так, в своем письме С.И. Гуляеву от 26 декабря 1860 г. столичный журналист, сибиряк по происхождению Н.С. Щукин заметил: «Я до сих пор не имею известия о Барнауле, а кто ж его знает в России? Следовательно, он любопытен. *В Барнаул отвозят все золотопромышленники золото и там его плавят*» (выделено мной. – В.Д.) [19, л. 73об.]. С драгоценным металлом и была тесно связана махровая коррупция. «Крупные владельцы приисков каждый год делают огромные подарки офицерам, занятым в этом деле, – вспоминал английский путешественник Чарльз Котрэл о «золотом депо» Сибири, – и начальник всего округа за несколько лет сколачивает очень большое состояние. ...Для владельца быть в хороших отношениях с ним составляет жизненную необходимость, и мы видели огромную плату отдельным лицам, от решения которых так много зависит» (цит. по: [15, с. 48]). По свидетельству одного из сибирских приятелей М.А. Бакунина, «золотопромышленник, приехав сдавать золото, должен оделить *всех, начиная от сторожа до генерала*» (выделено

мною. – В.Д.). В противном случае применялись методы, напоминающие современное «рейдерство». Горнозаводские чиновники могли, к примеру, «отнять прииск у одного и отдать другому» [20, с. 617]. Притом далеко не все желающие получали разрешение на частную разработку золотоносных площадей. Льготное право «избрать прииски в Алтайском округе» предоставлялось только влиятельным чиновным особам. Среди них С.И. Гуляевым упоминаются: князь Голицын; графы Апраксин, Баранов и Ламсдорф; маркиз де Траверсе, генерал-лейтенанты Дубельт и Самсонов, генерал-адыютанты Веригин, Казнаков, Паткуль; генерал-майоры Рейдниц, Ротг, Янковский; действительные статские советники Новицкий и Струговщиков [21, л. 61]. Реестр был бы заведомо не полным без государя-императора. Ибо самые богатые серебростержащие и золотоносные площади находились в его безраздельной частной собственности. Он же присваивал и «львиную долю» драгоценных металлов, добывавшихся или выплавлявшихся на территории алтайского «майората» [13, с. 92].

Изучая биографию М.А. Бакунина «сибирских» лет, я обнаружил в фондах Государственного архива Российской Федерации неизвестную ранее исследователям его социологическую заметку «Алтайцы», датированную 1858 г. [1, с. 207–214]. «...в сравнении с положением заводских крестьян Алтайского округа, – констатирует автор данной статьи, – этими *илотами* нашего времени, самое тяжкое положение крестьян помещичьих может считаться счастливым!». Управляющие хозяйством кабинетские чиновники соответственно именуется «*сибаритами*» (выделено мной. – В.Д.) [1, с. 212]. Тем самым проводилась недвусмысленная семантическая параллель между Сибирью и Сибарисом, древнегреческой колонией завоевателей-ахейцев, источником обогащения которых была жестокая эксплуатация труда бесправных аборигенов (сравни: [22, с. 522]).

М.А. Бакунин акцентирует внимание именно на коррумпированности кабинетской бюрократии. «Г.г. горные офицеры, приезжая сюда на службу и получая жалованье весьма ограниченное, ведут жизнь роскошную и в короткое время приобретают значительное состояние». Беспрецедентность злоупотреблений властью такова, что по сравнению с ними «плутни чиновничества, описываемого Щедриным и К⁰, так ничтожны, как ребяческие шалости». В записке раскрыта довольно сложная технология корпоративной наживы. «*Главный источник доходов горных чинов*, – пояснял автор, – состоит в экономии количества труда, потребного по сметным исчислениям на производство заводских работ и в обращении этой экономии в свою пользу. Чтобы короче и яснее определить этот *особый вид злоупотребления*, можно назвать его *трудокрадством*» (выделено

мною. – В.Д.) [18, с. 211–212]. Далее перечисляются способы внутрикорпоративной дележки чиновниками Кабинета финансовых результатов труда приписных крестьян.

«Куда уходили накопленные сибирским трудом капиталы, можно судить по тому, что в столицах растрчивались миллионы, – замечает Г.Н. Потанин, – ... покупались дворцы в Париже, виллы в Италии, но Сибири ничего не доставалось. Все вывозилось и проживалось вне края» [23]. Благодаря караванам серебра и золота, регулярно поступающим с заводов Алтая на столичные монетные дворы, имперская бюрократия могла безбедно существовать даже в условиях системного кризиса.

Среди политических факторов, которые также способствовали формированию оригинальных воззрений мыслителя на феномен коррупции, следует выделить его сотрудничество в роли «тайного советника» с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым-Амурским [24]. Ценность такого политического альянса для М.А. Бакунина заключалась еще и в том, что в Иркутске он стал активным участником исключительно важного эксперимента (подробнее см.: [25; 26]). Суть его как раз и состояла в поиске эффективных методов противодействия «национальной болезни», говоря словами А.В. Манько. Жаль только, что данному аспекту реформаторской деятельности Муравьева-Амурского вышеназванный исследователь уделил так мало внимания в своей монографии, казалось бы, специально посвященной проблеме традиционной для России коррупции [6, с. 137–144].

«Восточная Сибирь была до приезда Н.Н. Муравьева, – свидетельствует очевидец, – страшно темного, непроходимого взяточничества, где почти все было подкупное; где, начиная с писца полиции и кончая высшими лицами, все были, за немногими исключениями, отъявленными взяточниками...» [27, л. 5]. Неудивительно, что здесь потребовалась масштабная «чистка» региональной администрации. «Людей честных, преданных делу и бескорыст-

ных Муравьев всячески поддерживал и приближал к себе, – отмечает его биограф, – доверял, продвигал по службе» [28, с. 173]. Новый кадровый корпус чиновников формировался в основном за счет персонального набора добровольцев из числа выпускников Александровского императорского лицея и Училища правоведения. Всякий раз, возвращаясь в Иркутск из столицы, генерал-губернатор привозил с собой «целый транспорт молодых чиновников, которыми и заменял туземных старичков» [29, л. 37; 30, л. 5–5об.].

Антикоррупционная реформа, осуществлявшаяся в 1850-х – начале 1860-х гг. в Восточной Сибири, была достаточно успешной. Даже после вынужденной отставки Н.Н. Муравьева, когда сотрудники «массою хлынули» вслед за своим авторитетным руководителем, качество государственного аппарата управления территорией оставалось высоким. «В 1862 году высшая сибирская администрация, – констатировал П.А. Кропоткин, – была гораздо более просвещенной и, в общем, гораздо лучше, чем администрация любой губернии в Европейской России» [30, с. 36] (см. также: [31, с. 160, 195]). Иначе говоря, уникальный опыт реформаторской деятельности команды генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского доказывает, что системную коррумпированность государственного аппарата в России можно преодолеть. Другое дело, что тогдашней центральной властью данная политическая практика не была востребована ни в малейшей степени.

Итак, М.А. Бакунин первым из отечественных политических деятелей разгадал «кащееву тайну» абсолютистской власти. Наиболее существенные черты менталитета и образа действий бюрократии в Российской империи – коррумпированность, корпоративная солидарность, кастовая замкнутость, воспроизводство на собственной социогенетической основе и другое – выделены им вполне достоверно. Поэтому есть основания полагать, что взгляды мыслителя на феномен коррупции формировались в процессе социологического анализа конфликтных противоречий русской общественной жизни.

Библиографический список

1. Должиков В.А. Социологическая заметка М.А. Бакунина «Алтайцы» // Образование и социальное развитие региона. – №1–2. – Барнаул, 1999.
2. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М., 1989.
3. Бакунин М.А. Интриги г-на Утина // Материалы к биографии М. Бакунина. – М.; Л., 1928. – Т. III.
4. Андреева Л.А. К вопросу определения понятия и причин коррупции // Актуальные вопросы права

и государства : материалы международной заочной научно-практической конференции (2 июля 2012 г.). – Новосибирск, 2012.

5. Бакунин М.А. Коррупция. О Макиавелли. Развитие государственности // Вопросы философии. – 1990. – №12.
6. Манько А.В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. – М., 2012.
7. Коррупция – глобальная проблема современности : библиогр. указатель / сост. Н.Е. Козельцева. – Тамбов, 2012.

8. Бакунин М.А. [Елизаров Ю.]. Несколько слов о общественной жизни Иркутска // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1975.
9. Бакунин М.А. Речи, произнесенные в центральной секции округа Куртлари Международного союза рабочих в мае 1871 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 825. Бакунины. – Оп. 1. – Д. 301.
10. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. – М., 1935. – Т. IV.
11. Бакунин М.А. Исповедь // Алексеевский равелин: Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. – Л., 1990. – Кн. I.
12. Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). – Барнаул, 2000.
13. История Алтая. – Барнаул, 1983. – Ч. I.
14. Государственный архив Алтайского края (ГААК). – Ф. 2. Алтайское горное правление. – Оп. 1. – Д. 6977.
15. Ведерников В.В. Повседневная жизнь алтайской горной корпорации в воспоминаниях английских путешественников Дж. Кокрена, Ч. Котрэла и Л. Аткинсон // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – №4/2 (72).
16. Государственный архив РФ (ГА РФ). – Ф. 109. III отд. 1 эксп. – Оп. 33. – Д. 184.
17. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. – СПб., 1906.
18. Паршукова Н.П. Сибирь на страницах «Колокола» // Актуальные вопросы истории Алтая. – Барнаул, 1980.
19. Щукин Н.С. Письма членам семьи Гуляевых // ГААК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Св. 2. – Д. 30.
20. [Скарятин В.Д.]. По делу иркутской дуэли // Колокол. – 1860. – Вып. III. №.73–74.
21. ГААК. – Ф. 163. Гуляевы. – Оп. 1. – Св. 8. – Д. 110.
22. Словарь античности : пер. с нем. – М., 1989.
23. [Потанин Г.Н.]. Золотопромышленный кризис // Восточное обозрение. – 1892. – №12. – 17 июня.
24. Должиков В.А. Политический альянс М.А. Бакунина и Н.Н. Муравьева (к историографии проблемы) // Вопросы политологии и политической истории : сборник научных статей. – Барнаул, 1994.
25. Должиков В.А. «Хождение в Сибирь» аристократической дворянской молодежи (1850–1860-е гг.) // Неверовские чтения : актуальные проблемы политических наук. – Барнаул, 2010. – Т. 1.
26. Должиков В.А. Феномен графа Н.Н. Муравьева-Амурского в контексте многовариантного национально-регионального политического процесса в России эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х годов) // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2009.
27. Российский государственный исторический архив. – Ф. 772. – Оп. 1. – Ч. 2. – Д. 5396.
28. Алексеев А.И. Николай Николаевич Муравьев // Первопроходцы. – М., 1983.
29. Государственный архив Иркутской области. – Ф. 162. – Оп. 1. – Д. 48.
30. Кропоткин П.А. Записки революционера. – М., 1990.
31. Кропоткин П.А. Дневник. – М. ; Пг., 1923.